

Это личное!

Наталья
Елецкая
САЛИХАТ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Е50

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использовано
изображение из фотобанка Shutterstock
Автор Tutatamafilm

Елецкая, Наталья Владимировна

Е50 Салихат: [роман] / Наталья Елецкая. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 286, [1] с. — (Это личное!).

ISBN 978-5-17-148933-5

Салихат живет в дагестанском селе, затерянном среди гор. Как и все молодые девушки, она мечтает о счастливом браке, основанном на взаимной любви и уважении. Но отец все решает за нее. Салихат против воли выдают замуж за вдовца Джамалутдина. Девушка попадает в незнакомый дом, где ее ждет новая жизнь со своими порядками и обязанностями. Ей предстоит угождать не только мужу, но и остальным домочадцам: требовательной тетке мужа, старшему пасынку и его капризной жене. Но больше всего Салихат пугает таинственное исчезновение первой жены Джамалутдина, красавицы Зехры... Новая жизнь представляется ей настоящим кошмаром, но что готовит ей будущее — еще предстоит узнать.

«Это сага, написанная простым и наивным языком шестнадцатилетней девушки. Сага о том, что испокон веков объединяет всех женщин независимо от национальности, вероисповедания и возраста: о любви, семье и детях. А еще — об ожидании счастья, которое непременно придет. Нужно только верить, надеяться и ждать».

Наталья Елецкая

Роман — финалист национальной литературной премии «Рукопись года».

© Наталья Елецкая, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Меня выдают замуж за убийцу.

Эта мысль терзает меня уже четыре дня и все не укладывается в голове. Пусть все в округе твердят, что Джамалутдин-ата самый уважаемый человек в нашем селе и мне повезло быть за него сосватанной, женщины у родника провожают меня жалостливыми взглядами, а Шамсият-апа вчера поутру сказала мне в спину: «Вай, Салихат, бедняжка!»

Мне шестнадцать, и меня некому защитить. Моя мать умерла так давно, что я ее почти не помню, а мою любимую сестру Диляру отец выдал замуж прошлым летом, теперь она живет в соседнем селе, и видимся мы редко. Я живу в доме отца и его новой жены, которая занята тем, что каждый год рождает по ребенку, а однажды родила сразу двоих, одного за другим, с разницей в десять минут. Жубаржат почти не покидает своей половины, она занята детьми и хозяйством, а когда нам удастся перекинуться словечком, из страха перед мужем она даже пожалеть меня не смеет, не говоря уж о том, чтобы чем-то помочь. Ведь она ненамного меня старше, а детей у нее уже больше, чем пальцев на одной руке.

Да и зачем помогать? Никому это и в голову не придет. Выдают замуж против воли? В Дагестане это обычное дело. Пусть у многих в домах телевизоры и телефоны, нравы в нашей горной долине остались такие же, как много веков назад. Мы живем по законам предков, подчиняемся обычаям, а если точнее, все сводится к одному обычаю. Мужчина — всё, женщина — никто. Это мы, девочки, усваиваем, едва начинаем делать первые шаги, держась за юбку матери.

Я знала, что рано или поздно это случится. Вступив в брачный возраст, стала жить в неотступном страхе, что однажды отец скажет: на тебя нашелся покупатель. Правда, пока не выдали Диляру, я не сильно волновалась, ведь по нашим законам сначала должна выйти замуж старшая сестра, а уж потом наступает черед остальных девочек в семье. Если бы ее никто не засватал, я бы тоже осталась старой девой, пусть бы даже за мной выстроилась очередь. Но со дня свадьбы Диляры мне не стало покоя. Изнурительный труд с утра до вечера лишь немного притуплял этот страх, да еще робкая надежда, что отец пожалеет меня и позволит самой выбрать суженого. Глупые мечты, недостойные честной девушки. Позволь мне отец такое, и позору не оберешься. Старейшины села отвернутся, про наш дом станут говорить нехорошее. И поэтому я смирилась, как смирилась Диляра, а перед этим — наша мать, а перед ней — мать нашей матери.

Ожидание неизбежного так отравляло мою жизнь, что — клянусь Аллахом — я испытала облегчение, когда увидела входящую во двор Расиму-апа. Лицо у нее было такое, что я сразу все поняла

и тотчас опустила голову как можно ниже, сделав вид, что занята замесом теста для чуда¹ и не замечаю ничего вокруг. Расима-апа удовлетворенно кивнула, шествуя мимо меня в своих просторных одеждах, скрывающих дородное тело. Она вошла в дом, и вскоре отец позвал меня в залу, где принимал только дорогих гостей. Вот тогда я и узнала, что сосватана за Джамалутдина-ата, которому Расима-апа приходится родной тетей и который полгода назад убил свою жену.

---

¹ Тонкие пресные лепешки с начинкой.

Мой отец, как сказали бы в России, занимается бизнесом. У нас про таких, как он, говорят — уважаемый человек. Ему принадлежит большой участок земли в получасе ходьбы от села, где растут перцы, баклажаны и лук, которые отец раз в неделю отвозит в Махачкалу на своем ржавом грузовичке и сдает оптовику. Кто такой этот оптовик, я толком не знаю, просто слышала, как отец не раз сетовал на его жадность, порочащую правоверного мусульманина.

Наверное, дела у отца идут хорошо, мы ни в чем не нуждаемся (не то, что большинство соседей). У нас просторный дом, правда, большая его часть отведена Жубаржат и детям, которые все рождаются и рождаются. Отец занимает скромную комнату в задней части дома, где он спит и ведет свои учетные книги. Я сплю в пристройке за кухней, такой маленькой, что там умещается только мой топчан, и даже сундук с одеждой приходится оставлять за занавеской. Еще есть гостевая комната — зала, где всегда чисто и пусто. Отец не позволяет детям туда

ходить, да и большинству гостей тоже. Когда жители села приходят в дом, отец принимает их в кухне, а если визитеры женщины, они через боковую дверь идут сразу на половину Жубаржат. Расима-апа — исключение, возраст и положение позволяют ей говорить с мужчиной с глазу на глаз, особенно по такому важному поводу, как сватовство.

Живем мы скромно. Отец говорит, что выставлять напоказ достаток — харам, грех. Поэтому в моем сундуке только два повседневных платья, которые я чиню в случае надобности, и одно выходное. Платков у меня около десятка, ведь их нужно стирать ежедневно — не дай Аллах, кто-нибудь увидит пятнышко, да и стоят они немного, поэтому отец покупает мне их время от времени, а я бережливая, вещи меня любят, как говорит Жубаржат. Ей-то вечно требуются обновки.

Косметикой я не пользуюсь. Ходить накрашенной считается одним из самых ужасных грехов для незамужней девушки, такая никому не будет нужна. Мне бы хотелось иметь хоть одну из тех красивых вещиц, что я видела у двоюродных сестер, когда ездила в Махачкалу навещать тетю. Но отец в ответ на мою просьбу нахмурился и сказал только одно слово — «харам!», а это равносильно строжайшему запрету, нарушение которого жестоко карается. У нас нравы суровые, за помаду девушку могут прилюдно побить, и никто за нее не вступится, наоборот — еще и осудят.

Абдулжамал (так зовут моего отца) не всегда жил в достатке. Когда мы с сестрой были еще маленькие, он, если находился в добром настроении, рассказывал истории из своего детства, и один раз

я даже заплакала от жалости к нему, настолько тяжелой была его жизнь, пока он не стал сам зарабатывать на хлеб. Абдулжамал, а с ним девять его сестер и двое братьев, вместе с родителями ютился в маленьком домике у подножия гор и с пяти лет в любую погоду помогал отцу пасти овец. Но овцы не принадлежали семье Абдулжамала, его отец был лишь наемным пастухом, и вот однажды, когда оба заснули, разморенные полуденной жарой, кто-то украл почти всех овец из стада. Отцу Абдулжамала нечем было возместить убыток, его жестоко избили, он долго лежал в больнице, и все это время семья жила впроголодь, питаясь лишь тем, что росло в огороде. С той поры Абдулжамал твердо решил, что придет день, когда его семья не будет нуждаться. Но прошли долгие годы, прежде чем это и в самом деле произошло.

Мама была совсем юной, когда отец на ней женился. За четыре года она успела родить ему лишь двух дочерей и умерла, рожая мальчика, который не прожил и дня. Горевал отец недолго, в наших краях мужчине нельзя без жены, которая ведет хозяйство и смотрит за детьми, поэтому на исходе положенного срока он привел в дом Джамилю.

Джамиля прожила с нами чуть больше трех лет. Она была добра ко мне и Диляре и хорошо справлялась с домашними обязанностями, вот только никак не могла зачать. Отец хотел сына, поэтому он развелся с Джамилей и отправил ее обратно в родительский дом, а для женщины нет большего позора, чем быть отвергнутой мужем. Говорят, Джамиля от отчаяния подалась в город и там пошла по кривой дорожке. Но думаю, это наговоры дурных людей.

Она была правоверная мусульманка, наша первая мачеха.

С появлением Жубаржат все изменилось. Не прошло и года после свадьбы, как она родила первенца — Азима, что в переводе с арабского значит «великий». Отец на радостях подарил молодой жене несколько отрезов со стеклярусом на нарядные платья. Видимо, Жубаржат понравились отрезы, и она захотела еще, потому что ровно через год появился Гусейн, за ним — близняшки Шамиль и Шахбаз, и только потом, одна за другой, две девочки-погодки, наши любимые сестренки — Адиля и Шамсият. Не успевает у Жубаржат опадать после родов живот, как через несколько месяцев опять надувается, словно шар. Она почти не выходит из дому, боится дурного глаза — не все женщины могут похвастаться такой плодовитостью. Поэтому за водой на родник и на работу в поле всегда ходили мы с Дилярой. Но мне это нравилось, ведь больше у нас не было поводов, чтобы выйти из дому.

Когда Диляра вышла замуж, работать пришлось больше прежнего. Теперь я хожу на родник в дальнем конце села по три, а то и четыре раза в день, ведь воды требуется много. Жубаржат готовит еду и купает детей, а я мою полы и посуду, стираю на всех. До родника с пустыми ведрами десять минут ходу, обратно — в два раза больше. Идти надо медленно, чтобы не расплескать воду, и смотреть себе под ноги, но не только чтобы не споткнуться, а потому, что так положено. Молодая девушка не может поднять взгляд выше кончиков своих туфель, даже если на дороге кроме нее никого нет, а уж когда на скамейках у своих домов с утра до вечера сидят

старики... Они всегда найдут, за что осудить девушку, даже если она в юбке до пят и платок полностью скрывает ее волосы. Так что лучший способ уберечься от греха — не допускать даже вероятности греха, так говорит мой отец, и я с ним согласна.

Пока дела у отца шли не так хорошо, мы с сестрой все лето работали в поле. На коленях ползали вдоль бесконечных грядок, уходящих за горизонт, выдергивая сорняки, рыхля землю, а потом собирая урожай. Пальцы трескались до крови, платки выгорали на солнце, а кожа шелушилась от обезвоживания. Когда жара становилась нестерпимой, мы возвращались домой и помогали Жубаржат, торопясь, чтобы к приходу отца ужин был готов, а дом чисто убран. Мы так худели за летние месяцы, что одежда болталась на нас, а глаза западали. Когда несколько человек спросили у отца, не заболели ли мы, он испугался, что люди решат, будто он морит нас голодом, и никто нас таких не засватает. Тогда он нанял сезонных помощников, а нам предоставил заниматься домашней работой. Я стала вставать не в четыре часа утра, а в шесть. Не спеша, по утренней прохладе, шла за водой, готовила завтрак, пила с Дилярой чай в тени раскидистого абрикоса и только после этого начиналась обычная круговерть: помыть, постирать, убрать. В течение дня, если отец отсутствовал, можно было ненадолго зайти к Жубаржат, поиграть с малышами, обсудить насущные дела, а заодно угощаться засахаренными фруктами, которыми отец иногда баловал жену. Детям он никогда не покупал лакомств, считая это расточительством.

Диляра недолюбливала Жубаржат, не знаю, почему — спросить я не решалась. А вот мне мачеха

понравилась сразу, и я старалась помогать ей с детьми и уборкой, если у меня оставалось свободное время после всех дел.

Когда Диляра нас покинула, мы с Жубаржат еще больше сблизились. Правда, отец не догадывается об этом. В его присутствии мы не смеем и словечком перемолвиться. Когда он избивает одну из нас, другая не вмешивается, твердо усвоив: вступишься — сразу получишь свое. Отец не трогает жену, лишь когда у нее живот уже такой огромный, что она того гляди начнет рожать. Тогда он ограничивается тем, что кричит и замахивается на Жубаржат, но я все равно каждый раз закрываю глаза, чтобы не увидеть, как тяжелый кулак опустится ей на голову — вдруг в этот раз отец не сдержится?..

А вот мне всегда достается сполна. Повод может быть любой: не доварила хинкал, плохо выгладила рубашку, задержалась возле родника дольше положенного (наверняка заглядывалась на парней, нечестивая!), не кинулась выполнять распоряжение отца с должной поспешностью... Я научилась молниеносно уворачиваться от летящих в меня калаш, палок и алюминиевых мисок и терпеть боль от ударов чем ни попадя, если отцу удастся меня поймать. Все считают его добрым. Он очень редко избивает нас до потери сознания, чего не скажешь о других мужчинах, крики жен и дочерей которых давно стали привычными звуками на нашей улице, и на которые никто не обращает внимания, как на кукареканье петуха или лай собаки.

За тяжкую провинность женщину могут приговорить к смерти, и никто за нее не вступится. Вот Джамалутдин-ата убил жену, и ничего ему за это не

было. Теперь он снова решил жениться, и его выбор пал на меня. Если бы он убил Зехру на полгода раньше, он бы тогда засватал не меня, а Диляру, старшую дочь Абдулжамала Азизова, и к тому же более красивую, чем я. Но когда сватали Диляру, жена Джамалутдина-ата еще была жива. Вот так и получилось, что Диляре достался добрый и спокойный муж, который со дня свадьбы ее ни разу пальцем не тронул, а я уже четыре дня трясусь от страха, прекрасно понимая, что меня ждет.

* * *

— Салихат!

Я захожу в комнату, втянув голову в плечи и, не поднимая взгляда от выскобленных добела половиц, останавливаюсь перед отцом. Он опирается на стол одной рукой, колени широко расставлены. Я знаю, что за его спиной Жубаржат — хотя и не вижу ее — опустила глаза.

— Тебе понадобится все, что полагается к свадьбе.

Это не вопрос, это утверждение, и я молча киваю, соглашаясь. Если я сейчас заговорю, из глаз польются слезы и тогда в меня наверняка полетит что-нибудь, до чего отец сможет дотянуться.

— Свадьба через две недели.

Так скоро! Я цепенею от ужаса. Я надеялась, что это произойдет ближе к зиме. Или хотя бы ранней осенью. А теперь только июнь. В свой день рождения я проснусь уже замужней. О Аллах, почему ты посылаешь мне такое испытание? Может, еще не поздно все исправить?

— Отец... — умоляюще шепчу я.

Жубаржат за его спиной делает страшные глаза и мотает головой. Но я не обращаю внимания, ведь сейчас решается моя судьба. Хотя на самом-то деле она уже давно решена — в день, когда я появилась на свет.

— Отец, пожалуйста...

— Ты что сказала, Салихат? — Брови отца сходятся на переносице, это очень тревожный знак, но страх перед скорым замужеством лишает меня остатков разума.

— Прошу, не отдавай меня Джамалутдину-ата. Ты знаешь, что он сделал со своей женой...

— Его жена была шлюха! — Слова, хлесткие как плеть, вылетели из отцова рта вместе со слюной. — И получила по заслугам. Если ты сделаешь, как она, я сам тебя убью, а не твой муж. Ты поняла?

Я киваю, хотя и не знаю, что именно сделала покойная Зехра. Ноги дрожат противной дрожью, руки липкие от пота, я кусаю губы, чтобы не разрыдаться. Это была единственная попытка сопротивления, на большее я не способна. И отец это прекрасно понимает. Помолчав какое-то время, достаточное, чтобы я пришла в себя, он продолжает спокойным голосом:

— Через неделю из Махачкалы приедет твоя тетя Мазифат, привезет свадебный наряд и останется помочь с торжеством. Перед свадьбой из соседних сел приедут другие мои сестры, которых мужья согласились отпустить. Гости приедут отовсюду, еду придется готовить несколько дней подряд. Со стороны Джамалутдина будет много родственников. Он уважаемый человек, не хочу, чтобы люди потом

судачили за моей спиной, будто я пожалел чего-то для дочери. Теперь можешь идти. Если к моему возвращению хинкал не будет горячим, шкуру спушу.

Не припомню, когда в последний раз отец обращался ко мне с такой долгой речью. Сегодня он уделил мне целых десять минут. Обычно все происходит куда быстрее: сначала приказ что-то сделать, потом расправа (когда на тебя сыплются колотушки, минуты делятся бесконечно). Но чаще всего он просто молча смотрит на меня одним из своих грозных взглядов, и не нужно слов, чтобы я опрометью кинулась выполнять то или это.

Я иду, ничего не видя вокруг, спотыкаясь, как слепая. Отчаяние, плотное, как тесто для хинкала, залепило мои глаза и легкие, так что я ничего не вижу и почти не могу дышать. До этого момента во мне теплилась робкая надежда, что отец передумает, что не сможет он отдать меня убийце, даже если Джамалутдин-ата пообещал ему объединить деньги в бизнесе. Я отказываюсь верить, что меня продали, словно вещь, завалившуюся на полке магазина. Странно, но мысль о том, что многих девочек на нашей улице охотно отдают замуж за первого посватавшегося, лишь бы поскорее сбыть с рук, а не ради денег, не внушает мне такого отвращения, как сделка между отцом и Джамалутдином-ата.

Я забиваюсь в укромный уголок под навесом, где отец хранит инвентарь, чтобы он не увидел, что я прохлаждаюсь. Хочу немного посидеть в тишине и спокойно подумать. Надо, чтобы руки перестали трястись, а тело — исходить липким потом. Может, не все так страшно, как кажется. Если хорошенько подумать, в этом замужестве наверняка найдутся и

положительные стороны, ведь все события посылает нам Аллах, да не оскудеет милость Его.

Вспоминаю все, что слышала о Джамалутдин-ата. Но прежде пытаюсь представить его лицо — и не могу. Я попросту никогда на него не смотрела, хотя мы и встречались иногда на улице. Всякий раз я так поспешно опускала голову, что успевала заметить лишь внушительную фигуру и крупные руки с пальцами, поросшими волосами. Именно эти руки задушили несчастную Зехру. Я вздрагиваю и тотчас прогоняю ужасную мысль, не хочу об этом думать, не хочу. Я не знаю, красивый Джамалутдин-ата или нет, совсем старый или не очень. Его старший сын недавно женился, отец гулял на свадьбе, рассказывал потом, как все было хорошо организовано, не стыдно людям в глаза смотреть. Значит, Джамалутдин-ата никак не может быть молодым. Повезло Диляре — мало того что муж ее не бьет, так он еще и одних с нею лет. Может, поэтому они так хорошо живут, и Диляра не нарадуется. Одно только плохо — беременность все не наступает, и свекровь разносит дурные сплетни о сестре по соседнему селу.

Возвращаюсь мыслями к будущему мужу. Его дом стоит на краю села, почти у самого родника. Теперь мне не придется далеко ходить за водой. Дом обнесен высоким забором, со двора на улицу свешиваются ветви абрикосов, летом густо усыпанные спелыми плодами. У Джамалутдина-ата есть машина, новая «десятка», на ней он каждый день уезжает по делам. Дорога в город проходит мимо нашего двора, так что я наверняка это знаю. Значит, дома он бывает не так уж и часто. Говорят, у него водятся деньги, и дом полон всяких дорогих вещей. Я не

привыкла к роскоши и заранее робею: а ну как не смогу управляться по хозяйству? Но на этот случай есть Расима-апа, которая Джамалутдину-ата вместо матери и живет с ним, она мне все покажет и будет давать наставления. Конечно, мне придется во всем ее слушаться и угождать, так делают все женщины, они обязаны выполнять малейшую прихоть матерей своих мужей. Еще в доме живут оба сына Джамалутдина-ата и его невестка. Надеюсь, мне удастся подружиться с этой девушкой. Слышала, ее взяли из села, где живут Диляра и две мои тетки, сестры отца. Хотя свадьба была еще в марте, я ни разу не видела ее у родника и вообще на улице. Интересно, кто у них ходит за водой? Ведь не сама же Расима-апа? Младший сын Джамалутдина-ата еще мальчик, жену ему подыщут нескоро.

Кто-то меня зовет. Это Жубаржат. Я смотрю на солнце, оно в зените, и вздрагиваю от ужаса: скоро вернется отец, а теста еще и в помине нет! Несусь через двор к дому. Жубаржат стоит на крыльце и, приставив ладонь козырьком ко лбу, высматривает меня. Вторая рука лежит на животе, где ждет своего часа маленький. Жубаржат надеется, что будет мальчик. Девочек уже хватит, от них никакого толку, а от сыновей женщине уважение, и муж с каждым новым мальчиком становится добрее.

— Ну что ты себе думаешь, Салихат! — выговаривает она, пытаясь казаться строгой, а у самой в глазах жалость пополам с нежностью. — Или синяки от той палки уже все сошли, еще захотелось?

Я пытаюсь что-то сказать в свое оправдание, но она перебивает:

— Все знаю. Сама засватанной была. Ох, и страшно мне тогда было! Не знала, какая жизнь меня ждет. Плакала, в ногах у отца валялась, умоляла не отдавать за Абдулжамала. Побоев мне за тот месяц досталось больше, чем за все годы замужества. А сейчас не устаю славить Аллаха, что послал мне мужа и таких прекрасных деток. Пойдем, помогу тебе с тестом, пока малыши спят. Я их только уложила, так что все успеем.

Благодарно прижимаюсь щекой к плечу Жубаржат. Как я буду без нее? Сначала без Диляры, а теперь еще и без мачехи. Привычно отгоняю грустные мысли, а заодно и слезы, что в который раз наворачиваются на глаза. Сейчас не время жалеть себя, надо поспешить с обедом. Обычно это обязанность Жубаржат, но как только меня засватали, отец велел мне готовить обеды самой, чтобы я как следует научилась для мужа.

Усаживаемся с Жубаржат за стол на кухне и начинаем месить тесто. Я хорошо умею делать хинкал. Подготовленные для варки квадратики выходят у меня такими же ровными, как у Жубаржат. Наши пальцы заняты работой, и мы спешим поговорить, пока не вернулся отец, — даже дети боятся шуметь в его присутствии. Я спрашиваю у Жубаржат, как это было, когда ее засватали. Раньше мне не полагалось расспрашивать о таких вещах, ведь до прихода Расимы-апа в наш дом я считалась девочкой. А теперь самое время, и я жажду узнать подробности, о которых Жубаржат посчитает возможным рассказать.

— Мне только-только исполнилось шестнадцать. — Голос Жубаржат льется спокойно и

неторопливо, словно она рассказывает историю давно минувших дней, случившуюся с кем-то другим. — Совсем как ты была, только тебе уж семнадцать вот-вот. Я и подумать не могла, что скоро стану замужней. Ведь моя старшая сестра вышла замуж в девятнадцать. Мама очень нас любила, хотела, чтобы мы подольше не покидали дом. Но отец решил иначе. Мама и слова сказать не посмела, когда одна из сестер Абдулжамала пришла по мою душу, только плакала тайком вместе со мной. А что еще она могла? Я знала, что Абдулжамал до того дважды был женат и что первая его жена умерла, а вторую он прогнал. Боялась, вдруг и со мной что-нибудь плохое случится. Не хотела идти за старика, у которого дочери уже почти взрослые. Да только кто меня спрашивал? — Она грустно качает головой, потом тихонько охает, прикладывая руку к животу, видать, ребеночек пнул ножкой. — Каждый раз, как начинала умолять отца меня пожалеть, он приходил в ярость. Ну точь-в-точь как Абдулжамал сейчас. Я, когда вижу, как он на тебя гневается, сразу те дни вспоминаю, когда сама засватанной ходила. И так жутко становится, будто все вчера было. — Она замолкает, сосредоточенно нарезая квадратики теста.

— Ну а дальше? — нетерпеливо подгоняю я ее. — Что дальше было?

— О Аллах, что за любопытство! Погоди, сама узнаешь. Две недели быстро пролетят.

— Пожалей меня, скажи, что дальше будет. — В моем голосе мольба, я все, что угодно, готова сделать, лишь бы она продолжала.

— А ну как ты в арык кинешься, — упрямится Жубаржат, но я вижу, что она это только для виду,

ей и самой хочется поделиться своей историей, ведь больше-то не с кем. — Да что было? Колотил меня отец чуть не каждый день, думала, места живого не оставит, но потом я умнее стала, поняла — просить бесполезно, не то мертвой стану от побоев. Через месяц свадьбу гуляли. Увидела я Абдулжамала, когда мулла над нами стал обряд делать, и заплакала, таким он мне страшным показался. Так и проплакала до вечера, хорошо, что накидка плотная была.

— И что стало, когда пир закончился? — Я широко распахиваю глаза, понимая: задай я такой вопрос кому другому, плохо бы мне было.

Бледные щеки Жубаржат вспыхивают, она смущенно отводит глаза и бормочет:

— Вай, Салихат, это слишком! Узнаешь, когда время придет. Скажи лучше, ты ведь... девушка? — выдавливает она.

Теперь мой черед краснеть. Я знаю, о чем она. Но ни один мужчина не касался меня и не видел без одежды. Конечно, я честная девушка и Жубаржат это знает.

— Тогда все пройдет хорошо, — кивает она, увидев ответ в моей вымученной улыбке.

— Что пройдет?

Можно лишь догадываться. Смутные знания «об этом», почерпнутые в основном из туманных намеков Диляры, лишь усиливают страх и жгучее чувство стыда, ведь порядочной девушке не пристало не то что спрашивать — даже думать о таких вещах. Будь у меня мама, она бы мне шепнула что-нибудь «об этом» перед свадьбой, но мамы нет, и Жубаржат придется взять эту миссию на себя. Наверняка она и Диляру наставляла.

— Брачная ночь, что ж еще. Наутро платок покажут всему селу.

— Вах, стыд какой! — Я прикрываю рот белой от муки рукой.

Жубаржат кусает губы. Если Абдулжамал узнает, что она такие разговоры со мной водит, прибьет, несмотря на ее живот.

— Если крови не будет, лучше бы тебе не родиться на свет. Всю семью опозоришь. Муж вернет тебя, и отец со стыда на глаза соседям не сможет показаться. Кровь — вот что главное в день твоей свадьбы, Салихат. Чем ее больше, тем лучше.

— А откуда она берется?

— Оттуда, — шепчет Жубаржат, делая большие глаза, и стонет: — Ну же, хватит, Салихат, не мучь ты меня, ради Аллаха!

— Но мне надо знать, — кухня плавится от жара печи, но я дрожу, будто зимним вечером выбежала во двор в одном платье, — надо знать, Жубаржат, миленькая, ведь сама-то ты...

— Да я-то ничегошеньки не знала! — перебивает она меня почти сердито. — Все случилось, когда нас с Абдулжамалом отвели в комнату, где я теперь детей рожаю. Пришлось потерпеть, но ничего, жива осталась. Я так тебе скажу — побои больнее. Главное, не сопротивляйся и мужа слушайся. Помни, так в Коране написано. А то кровь у тебя не только из того места пойдет, откуда надо. Муж все равно будет бить, без этого никак, но не в первую же брачную ночь. Как потом к гостям-то выходить, подумай.

— Я так боюсь его, Жубаржат. Не знаю, в чем Зехра провинилась, но ведь не настолько, чтобы умереть. А что, если и меня...

— Молчи, дурная! — Теперь Жубаржат уже по-настоящему разозлилась. — Мало ли что с этой Зехрой стало, не наше это дело. Аллах карает только виновных! Не перечь мужу, рожай ему исправно детей и будешь жить не хуже, чем другие. Ну хватит болтать, — она решительно встает и ставит на огонь кастрюлю с куриным бульоном, — пора варить хинкал.

Я передаю ей большую доску с нарезанными квадратами теста, сметаю со стола остатки муки и протираю столешницу мокрой тряпкой. Понимаю, что разговор закончен, продолжения не будет. И так Жубаржат сказала куда больше, чем дозволено. Но все же не выдерживаю, подхожу к мачехе, осторожно опускающей тесто в закипевший бульон, и шепчу ей в ухо:

— Скажи, а это очень больно?

Она охает, замахивается на меня, и в этот момент у нее начинаются роды.

}

Тетя Мазифат сидит в тени старого абрикоса и шумно прихлебывает чай из щербатого блюда, вприкуску с колотым сахаром. На дворе печет, тете жарко от горячего чая, она то и дело утирает лицо краем широкого платка, наброшенного на голову, и внимательно наблюдает за тем, как я пеку хлеб в глиняном очаге под навесом. Мне еще жарче, чем тете Мазифат, но она может оставить свое занятие и уйти в дом, а я не могу: печь хлеб — моя обязанность с десяти лет. Надо следить, чтобы лепешки были ровными и не подгорали с одного боку. Я вынимаю из печи готовый хлеб, кладу на покрытую чистой тряпичной доску и принимаюсь за новую партию. Хлеба требуется много, дети Жубаржат растут и постоянно голодны, а теперь и самой Жубаржат нужно хорошо питаться.

Она уже неделю не выходит из спальни — восстанавливает силы после тяжелых родов. Они случились на месяц раньше срока — по моей вине. До сих пор в ушах стоят ее ужасные крики. Жубаржат никогда не кричала так прежде, она легко родила

шестерых детей, но маленький Алибулат, хоть и родился недоношенным, видать, отыгрался за своих братиков и сестричек. Так сказала Жубаржат, когда я зашла ее проведать после того, как все кончилось. Странно, но она совсем на меня не сердилась, только улыбалась измученной улыбкой да сжимала и разжимала пальцы, между которыми был зажат край одеяла. Я заплакала, а она принялась меня утешать и говорить, что я вовсе ни при чем, просто Алибулатику не терпелось выйти наружу.

— Даже хорошо, что он такой нетерпеливый оказался. В жару с животом тяжело. А теперь ничего, дышать сразу легче.

Но из комнаты она по-прежнему не выходит, хотя пошел уже восьмой день. Тетя Мазифат говорит, что Жубаржат скоро поправится. Она поит ее целебными настоями из горных трав. Я молю Аллаха, чтобы вернул силы мачехе. Если она умрет, что мы будем без нее делать? Особенно младенец, ведь ему нужно материнское молоко. Правда, если в нашем доме случится покойник, свадьбу отменят. Но я гоню прочь нечестивые мысли, я ругаю себя последними словами, я готова хоть завтра стать женой Джама-лутдина-ата, только бы Жубаржат поправилась.

Я люблю тетю Мазифат больше других сестер отца. Она самая младшая из них, поэтому почти молодая. Старший сын тети Мазифат, мой двоюродный брат Гаффар, учится в университете. Он привез ее вчера на «Жигулях» дяди Ихласа и сразу уехал обратно. Они потом вместе приедут на свадьбу: дядя Ихлас, Гаффар и две мои двоюродные сестры.

Зарема и Зарифа давно окончили школу, но дядя не разрешает им учиться дальше, он подыскивает

им достойных женихов и не скрывает, что обе дочери засиделись в невестах. Еще немного, и их никто не возьмет, даже в таком современном городе, как Махачкала. Тетя Мазифат считает, что у дочек появилось бы больше шансов найти мужей, если бы они хоть иногда выходили из дому, но дядя с ней не согласен. А как он разозлился, когда Гаффар предложил познакомить Зарему с хорошим парнем со своего курса! Тот как-то увидел Зарему возле ее дома, когда ждал Гаффара, и влюбился. Но родители парня недостаточно богаты, чтобы породниться с дядей Ихласом. Тетя Мазифат звонила моему отцу и кричала, что по милости мужа дочка старой девицей останется. Я как раз мыла полы в зале, где стоит телефон, и все слышала.

И вот теперь тетя сидит под абрикосом и пьет чай. Вид у нее довольный, еще бы: позвали помочь со свадьбой, а значит, ей большое доверие и почет. Она уважаемая женщина, единственная из большой семьи Азизовых живет в Махачкале. И муж у нее уважаемый человек: заместитель директора в крупной торговой фирме. Всего у отца шесть сестер. Когда-то было девять, но три умерли, четверо замужних раскидало по соседним селам, а самая младшая не замужем и живет с моей бабушкой, матерью отца, которая уже такая старенькая, что не выходит из дому, и тетя Шерифа за ней ухаживает. Она не вышла замуж, чтобы остаться с престарелыми родителями, и я ни разу ее не видела — дом, где родился и вырос отец, стоит далеко, по ту сторону гор.

Тетя Мазифат привезла мне свадебный наряд. Это расшитое серебряными нитями белое платье, а к нему — фата из плотной непрозрачной материи,

шаровары и туфли. Украшения прислал Джама-
лутдин-ата, это его свадебный подарок. Вчера по
просьбе тети я примерила наряд и расплакалась.
Тетя молча прижала меня к необъятной груди и по-
качивала, как маленькую, пока я не успокоилась.
Она помогла мне снять все эти красивые вещи и
убрала их в сундук, пусть пока полежат, сказа-
ла она, будто свадьба не через неделю, а через сто
тысяч лет. Все-таки тетя любит меня, как родную
дочку, хотя мы видимся очень редко. Я бы хотела,
чтобы у моей матери была сестра, и чтобы она жила
в нашем селе. Тогда я бы не чувствовала себя так
одиоко.

В последние дни мои мысли путаются и скачут
в разные стороны, словно резиновые мячи. Все,
за что ни возьмусь, валится из рук, сегодня утром
я чуть кипяток на себя не вылила, когда стирала
одежду. Только Аллах уберег от беды. Я говорю
себе, что это из-за усталости, потому что Жубаржат
болеет и не может заниматься делами по дому, у нее
хватает сил только чтобы ухаживать за младенцем,
а остальные дети сейчас на мне. Их надо помыть,
покормить, поменять им грязную одежду, поругать
за шалости... Хорошо, что приехала тетя Мазифат.
Она мне сильно помогает, хотя и не обязана. Она
гостя в нашем доме и должна целыми днями пить
чай под абрикосом или ходить в гости к соседкам.
Но тетя понимает, что мне тяжело, и охотно берется
помочь с обедом или последить за детьми. Но, ко-
нечно, всю грязную работу приходится делать мне
самой. Тетя качает головой, она недовольна, что
я так надрываюсь и ничего не ем, а сегодня утром
сказала отцу, что на меня смотреть страшно, такая я

изможденная. И о чем он только думает, ведь меня выдавать через неделю. Отец разозлился, накричал на тетю Мазифат и уехал. Я заверила ее, что нисколько не устану, а про себя подумала: хорошо бы мне сильно заболеть и подурнеть настолько, чтобы Джамалутдин-ата увидел меня в день свадьбы и передумал жениться. Будет позор, и меня больше никто не засватает. Но это не так уж и плохо. У отца я не останусь, уеду в Махачкалу к тете Мазифат, там окончу школу, курсы и стану продавщицей в магазине. А когда отец умрет, вернусь в село и буду жить с Жубаржат.

Все это только мечты. Я знаю — свадьба состоится, но уже не боюсь. Я просто устала плакать и бояться. Тетя и Жубаржат смотрят на меня с подозрением, наверное, думают, что я замыслила нехорошее. Но это не так. Пусть будет что будет. Во мне что-то надломилось и умерло, и стало все равно. Я продолжаю вставать затемно, готовить завтрак после молитвы, заниматься детьми, убирать в доме и ходить за водой, но все это делаю будто не я, а другая девушка. И от этого мне становится немного легче.

— Салихат, девочка!

Я отрываю взгляд от очага, где подрумянивается хлеб, и смотрю на тетю Мазифат. Она манит меня пальцем.

— Иди сюда.

Дожидаюсь, пока лепешки пропекутся, вынимаю их, заливаю угли и только тогда иду к тете. После спасительной тени навеса раскаленный двор прижимает зноем к земле. Скорее под новую тень, теперь уже от абрикоса.

— Что, тетя? Еще чаю вам принести?

Она качает головой.

— Иди, спроси у Жубаржат, не надо ли ей чего. Хлеб оставь, я сама в дом отнесу. Отдохни немного, ты так раскраснелась. Слышишь, да?

— Не могу. Скоро отец вернется, он просил чуду с курятиной к обеду испечь.

— Чуду я сама испеку! Иди, иди, — машет она нетерпеливо. — Лучше побудь с Жубаржат, плохо ей, бедняжке, там одной.

Я ни за что в этом не признаюсь, но рада немного побыть в прохладе комнат. Нынче на улице и правда печет, будто и не июнь вовсе, а начало августа. Открываю дверь на половину Жубаржат и сразу гложу от криков малышни, которая вся собралась в одной комнате. Кто играет на полу, кто дерется, кто бежит друг за другом. Слишком жарко, чтобы выгонять их во двор, а время дневного сна еще не подошло. Растаскиваю дерущихся старших, меняю штанишки обеим сестренкам (младшая еще не умеет ходить, ползает по голым доскам пола), навинчиваю колеса на старую-престарую машинку Шамиля и Шахбаза и только потом вхожу в спальню Жубаржат.

Там душно, окно занавешено, пахнет испражнениями младенца и потом Жубаржат. Постель пуста, грязные простыни сбиты на сторону. Жубаржат качает люльку, в которой покряхтывает Алибулат. Даже в полумраке вижу, как похудела Жубаржат, рубаха болтается на ней, запястья стали совсем тонкими. Она поворачивает ко мне бледное, без кровинки лицо и улыбается.

Сердце сжимается от жалости к ней. А она, наверное, жалеет меня, потому что говорит:

— Я сегодня уже хорошо себя чувствую. Вот оденусь и помогу тебе.

Протестующе машу руками:

— Ты сумасшедшая, да? Посмотри, какая ты бледная, снег и тот не такой белый. Ложись в постель, я покачаю. — Подхожу к люльке, заглядываю внутрь. — Он уже заснул, видишь? Ложись. Нет, погоди. Дай сначала белье перестелю.

Жубаржат обессиленно опускается на голый пол. На лице облегчение, но при этом она продолжает спорить:

— Салихат, сестренка, из-за меня тяжело тебе. В чем только душа держится? У тебя свадьба скоро, ты должна быть самой красивой невестой. Если не по хозяйству, так хоть с детьми немножко побуду, ты лишний час отдохнешь. Они вон какие беспокоящие, целый день скачут.

— Куда тебе к детям, — ворчу, взбивая подушки. — И так покоя тебе не дают, то один забежит, то другой. Не волнуйся, ничего с ними не сделается. Скоро обедом их накормлю и спать уложу, а после, как жара спадет, на двор выгоню до ужина. Тетя Мазифат мне помогает. Ты скажи, что хочешь есть? Чаю с хлебом или, может, хинкал? С вечера осталось, погреть могу. Или вот тетя скоро чуду с курятиной испечет, принести тебе?

— Чуду я бы съела. — Жубаржат вытягивается на расправленных простынях, вздыхает облегченно. — Молоко плохо идет, Алибулатик голодным остается, засыпает плохо. А у меня сил нет на руках его носить. Такая слабость, хоть плачь.

— Тебе отдохнуть надо, выспаться. Хочешь, малыша к себе возьму? Буду приносить, только чтобы ты его кормила.

— Не привыкла я столько отдыхать. Вот и Абдулжамал ругается, заходил сегодня, сказал: что валяешься, ребенок уже скоро ногами пойдет, а ты все лежишь. Говорит, если до конца недели не начну работать по дому, он с плеткой придет, быстро на ноги поставит. Да я и сама понимаю, что вставать надо. На свадьбе должна быть, хочу посмотреть, какая ты будешь нарядная. Платье-то примеряла уже?

— Да, вчера.

— Красивое?

— Как у Диляры было, даже лучше.

— Ну вот, опять плачет, только этого не хватало. Салихат. Салихат!

Я, нагнувшись над колыбелькой, прячу лицо, чтобы Жубаржат не видела моих слез. Но она зоркая. А может, распознала эти самые слезы в моем голосе, шайтан их заberi. Вот ведь, а я была уверена, что уж все выплакала.

— Смирись, — говорит Жубаржат, и ее голос необычно тверд. — Это только вначале тяжело, потом полегчает. Родишь первенца, если Аллах пошлет мальчика, тебя уважать станут, муж не так сильно будет бить. По хозяйству ты управляешься, все хорошо делаешь, Расима-апа порадует такой помощнице.

— Мы с тобой и видеться не будем, — горько шепчу я, вглядываясь в личико Алибулата и представляя, что это мой собственный сынок, тот первенец, за которого мне будет уважение.

— А родник на что? За водой-то теперь мне ходить. Дочки еще не скоро подрастут.

— Ведь и правда, сколько теперь тебе лишней работы делать...

— Без тебя я бы с самого замужества все одна делала. Тебе теперь тоже достанется, только успевай вертеться. Дом-то у них огромный: и кур держат, и сад фруктовый. Правда, невестка Джамалутдина-ата по хозяйству помогает, да только кто знает, добрая она или злая, ты ведь младшей в семью войдешь, а ну как будут тобой помыкать... Ну вот, опять расплакалась, а я-то хороша, отними шайтан мой язык, говорю всякий вздор! Ты меня не слушай, подружисься с ней, она ведь тоже молоденькая, и деток у нее пока нет. Так что вместе как-нибудь...

— Принесу чаю.

Опрометью выскакиваю из комнаты, не слушая возражений Жубаржат, но вместо кухни бегу в свою комнатку, падаю на топчан и даю волю слезам, чтобы к возвращению отца предстать перед ним спокойной и безучастной — какой он привык меня видеть все эти дни.

Пути назад нет, я стала женой Джамалутдина Канбарова. Несколько часов назад сельский мулла совершил над нами никах и свадебный пир в самом разгаре. Мы сидим за длинными столами в просторном дворе Джамалутдина. Столы поделены на мужские и женские. Для пожилых родственников и старейшин устроен отдельный стол на небольшом возвышении, туда подносят самые вкусные блюда и в первую очередь. Бьют в тамбурины, кто-то танцует в центре двора, но в основном все едят и пьют. Я ничего не ем, только иногда делаю глоток воды из стакана, который стоит рядом с моей нетронутой тарелкой.

Мне жарко, солнце палит, на мне плотное платье до пят, шаровары и фата, скрывающая волосы и лицо. Я не смотрю по сторонам, не слышу, что говорят все эти женщины, что склоняются ко мне и, должно быть, поздравляют — они улыбаются, кивают и ободряюще похлопывают меня по плечу. Раньше я не думала, что настанет момент, когда я не смогу чувствовать ни боли, ни страха, ни запахов,

ни звуков. Осталась только жара, но я с ней почти свыклась, и она мне не досаждала. Я боюсь только одного: что на глазах у гостей потеряю сознание. В детстве я несколько раз теряла сознание, когда отец чересчур сильно избивал меня палкой. Просто проваливалась в темную липкую тишину, а спустя какое-то время открывала глаза и понимала, что наказание закончилось, осталась лишь боль от перенесенных ударов. Но потеряй я сознание сейчас, то, когда приду в себя, ничего не закончится. Наоборот, все только начнется. Я набираю в грудь больше воздуха и снова делаю глоток. На еду смотреть не могу, хотя ничего не ела со вчерашнего утра. От всех этих запахов и вида дымящихся тарелок у меня спазмы в животе. Женщины, помогавшие с готовкой, превзошли сами себя: жарили, варили и пекли целых три дня. Шампанское и водка льются рекой. Конечно, алкоголь пьют только мужчины, у женщин на столах вода и лимонады.

Рядом со мной, по обычаю, должен сидеть муж. Нас должны были посадить за отдельный стол, чтобы все на нас смотрели, но Джамалутдин решил иначе. Он остался на мужской половине, ко мне подошел только один раз и спросил, все ли в порядке, а когда я поспешно кивнула, сразу ушел. И вот теперь он среди мужчин, громко смеется и ест шашлык. Я время от времени украдкой смотрю на него, но не дольше секунды, иначе мне совсем дурно станет. Как хорошо, что нас не посадили рядом. Тогда бы я уж точно сознание потеряла.

Чья-то рука, унизанная золотыми кольцами, кладет мне на тарелку кусок баранины из плова. Слегка поворачиваю голову влево — это Расима-апа. Она

широко улыбается, а у самой в глазах такое, что я поспешно отвожу взгляд.

— Что не ешь ничего? Так не годится, дочка. Силы тебе сегодня понадобятся.

Она подмигивает, слышится женский смех.

Я вспыхиваю, осознав смысл ее намека, послушно беру кусок мяса, подношу ко рту. С мяса капает жир, от густого запаха баранины тошнота подкатывает к горлу, и я поспешно кладу его обратно, вытираю пальцы о край скатерти. Расима-апа хмурится и обиженно поджимает губы, но мне все равно. Отщипываю от лепешки кусочек и кладу в рот, пытаюсь проглотить, но сухое тесто обдирает горло и просится обратно. Ловлю на себе взгляд невестки Джамалутдина. Она сидит напротив меня, на ней нарядное платье и расшитый золотыми нитями платок. Взгляд у Агабаджи равнодушный: ни любопытства, ни сочувствия, а ведь нам жить под одной крышей. Личико хорошенькое, но слишком худое и бледное. Выглядит она как четырнадцатилетняя, хотя на самом деле старше меня на год. Агабаджи рассеянно ест чуду и запивает лимонадом. Когда она встает, чтобы дотянуться до блюда с курзе¹, я понимаю, что она беременна. Срок, наверное, еще не очень большой, но под платьем отчетливо обозначился округлый животик.

Ищу глазами Диляру. Она должна сидеть за соседним столом, но сейчас ее место пусто, она куда-то отлучилась. Мы так давно не виделись, я хочу обнять ее, расспросить, как у нее дела. Надеюсь, получится, если не сегодня, то хотя бы завтра. Диляра

---

¹ Дагестанские пельмени.

и ее муж останутся ночевать в доме моего отца, так же, как и другие родственники, приехавшие из соседних сел. Завтра второй день свадьбы, на который по традиции приходят только самые близкие люди.

Кто-то касается моего плеча. Я вздрагиваю, почему-то уверенная, что это Джамалутдин. Но вместо него вижу Диляру и вздыхаю от облегчения.

— Сестренка, — говорит она. — Поздравляю.

Говорит так, будто и впрямь за меня рада. Будто это самый счастливый в моей жизни день.

— Иди к пристройке за домом. Я сейчас туда приду, — шепчу, чтобы не услышала Расима-апа.

В глазах Диляры сомнение, но, помедлив, она все же кивает и отходит. Я выжидаю минут пять, потом поднимаюсь, бормочу что-то насчет острой надобности и покидаю свое место за столом, провожаемая любопытными женскими взглядами. По счастью, столы мужчин далеко, и вездесущее око отца не может уследить за тем, что я нарушаю правила. Хотя отныне я принадлежу не отцу, а Джамалутдину, страх перед неограниченной властью Абдулжамала еще долго будет меня преследовать. Но мне невольно, хочу поговорить с сестрой. Быть может, тогда станет чуточку легче.

Диляра ждет, спрятавшись за дверью пристройки. Здесь тихо, звуки музыки и голосов со двора сюда почти не доносятся. Втаскиваю сестру внутрь и стягиваю с себя ненавистную фату. Мои волосы слиплись от пота, он стекает тонкими струйками за высокий ворот платья. Диляра прижимает меня к себе крепко-крепко. Как же я по ней соскучилась! Словно не год прошел с момента ее замужества, а целая жизнь.

— Как ты, Салихат? — ласково спрашивает Диляра.

Этого достаточно, чтобы слезы, скопившиеся внутри, хлынули рекой. Я плачу и не могу остановиться. Мне кажется, вместе с рыданиями из тела выходит моя душа. Диляра напугана, она пытается меня успокоить, усаживает на стопку пустых джутовых мешков, дует мне в лицо, говорит, что я испорчу макияж и платье. Все без толку. Проходит, должно быть, не меньше десяти минут, прежде чем рыдания начинают стихать. Вот зачем, оказывается, я позвала Диляру — чтобы она задала всего один вопрос, который заставил слезы вырваться наружу, словно гной из нарыва.

— Ну что ты, что? — Диляра берет мое лицо в ладони и заглядывает в глаза. — Перенервничала, бедняжка? Жарко тебе, новые туфли жмут? Живот болит?

— Я не хочу за него... — Мои губы снова начинают трястись, но слез уже нет, они все вытекли.

— Но ведь ты уже его жена, дурочка, — ласково говорит Диляра. — Ничего тут не поделаешь. Радоваться надо, ты теперь замужняя женщина.

— Ты знаешь про его первую жену? — Я в упор смотрю на сестру.

Она опасливо озирается на дверь и поспешно — слишком поспешно — отвечает:

— Ничего не знаю. Только то, что она умерла. Женщины в наших краях часто умирают, Салихат. Но с тобой все будет хорошо.

— Я его боюсь. Боюсь того, что будет вечером. Мне ведь есть чего бояться, да?

— Нет, — твердо отвечает Диляра и ставит меня на ноги. — Нечего, если ты сейчас же вернешься на свое место. А вот если тебя найдут здесь зареванную, нам обеим достанется.

— Тебе повезло. Назар и пальцем тебя не трогает...

— Одну пощечину я уже заработала, — усмехается Диляра. — Но я ее заслужила. Правда, Назар потом прощения просил, и я простила, а что еще оставалось?

— И он у тебя такой красивый, не то что Джамалутдин...

— Твой муж тоже красивый, Салихат, — отвечает Диляра, осторожно промокая мне лицо подолом длинной юбки. — Ты разве не заметила?

Я смотрю на сестру в изумлении. Должно быть, от жары у нее помутился рассудок. Джамалутдин — красивый?

— То есть я, конечно, не заглядывалась на него, — поспешно добавляет Диляра. — Но у многих мужья куда страшнее, Салихат.

Осмысливаю ее слова, пока Диляра приводит меня в порядок. Признаюсь, я тоже сегодня украдкой смотрела на мужа, и не один раз, а целых три или четыре. Мне он показался очень высоким — выше моего отца почти на голову, — широкоплечим и крепким. Волосы у Джамалутдина темно-русые и слегка выются у шеи и на висках, кожа довольно светлая, особенно по контрасту с темной короткой бородкой. Нос длинный и широкий, губы плотно сжаты, как будто он сильно разозлился. Но если Джамалутдин начинает смеяться, вся суровость исчезает, и он перестает казаться таким старым, хотя на самом деле ему уже сорок два года.

— Ну вот теперь почти хорошо. — Диляра отстраняет меня и критически разглядывает. — Можешь возвращаться. Тебя наверняка уже хватились. И не плачь больше.

Я послушно направляюсь к двери, но Диляра меня удерживает.

— Погоди. Что еще хотела сказать... — Она краснеет. — У меня будет маленький. Зимой...

Я охаю и кидаюсь ее обнимать. Теперь свекровь перестанет нашептывать Назару, чтобы вернул бракованную жену и взял ту, которая способна понести. Диляра смущенно смеется и отрывает мои руки от своей шеи.

— Ты меня задушишь. Ну все, хватит! Пора возвращаться.

Расима-апа встречает меня враждебным взглядом. «Где тебя носит?» — вопрошает этот взгляд.

— Живот прихватило, — не задумываясь, вру я.

— С чего бы вдруг? Ты ведь ничего не ешь, — подозрительно щурится она.

— Это еще с вечера. Должно быть, от волнения.

На этот раз она мне верит. А я вдруг отчетливо понимаю, что отныне моей жизнью будет управлять куда более беспощадная сила, чем отец.

И от этой мысли живот болит уже по-настоящему.

Праздник продолжается до позднего вечера. Когда на столах почти не остается еды и молодежь уже устала танцевать под подробный перестук тамбуринов, а старики дремлют сидя, опершись на поставленные между ног суковатые палки, ко мне подходит Джамалутдин, и разговоры вокруг смолкают.

Я ждала этого момента со смирением приговоренного к смерти, поэтому медленно поднимаюсь, опустив глаза, не в силах посмотреть на человека, который по воле Аллаха и с благословения муллы получил безграничную власть надо мной.

Расима-апа тоже поднимается, на ее жирных от плова губах блуждает усмешка, глаза блестят в предвкушении чего-то, что мне еще не ведомо, но скоро — очень скоро — станет моим кошмаром. Я это чувствую, хотя не могу знать наверняка. А Расима-апа точно знает, не зря она так улыбается. Она много лет прожила замужней, а когда ее муж умер, Джамалутдин взял ее в свой дом смотреть за хозяйством. Дочери Расимы-апа давно замужем, а сыновей Аллах ей не дал. Поэтому Джамалутдин ей вместо сына.

Под взглядами гостей мы идем к дому. Внутри я еще не была. В другое время я бы с любопытством стала смотреть по сторонам, шутка ли: дом самого уважаемого человека в селе. Но теперь этот человек — мой муж, и я покорно иду следом за ним туда, где пройдет наша брачная ночь. Расима-апа замыкает маленькую процессию.

Открывается дверь, меня вводят в комнату, зачем-то сунув в руки белый платок, и дверь захлопывается. Расима-апа и Джамалутдин остаются снаружи, я слышу их приглушенные голоса, но не могу разобрать, что они говорят. Какое-то время я стою в оцепенении, потом осматриваюсь. Почти всю ширину комнаты занимает кровать. Я впервые вижу такую большую. Она не старая и продавленная, как кровать Жубаржат, и не узкая и низкая, как кровать отца. На ней высокий матрац, и несколько подушек,

и деревянная спинка в изголовье. Еще здесь шкаф, два стула и тумбочка. На тумбочке настольная лампа, кувшин с водой и Коран.

Свет от лампы почти не освещает комнату, по углам прячутся тени, окно занавешено. Должно быть, оно выходит на заднюю часть двора — голоса гостей почти не слышны. А может, они уже устали и просто ждут, когда им вынесут доказательство моей невинности, чтобы разойтись по домам. Меня бьет озноб, и я обнимаю себя руками, пытаюсь согреться. Неужели то же самое чувствовала и Диляра, когда ее привели в спальню Назара и оставили одну? А Жубаржат? А моя мать? О Аллах, почему ты посылаешь своим дочерям такие страшные испытания?.. Я кладу платок на кровать, раздумывая, зачем Расима-апа дала его мне. Может, чтобы вытирать слезы, которые потекут от боли?..

Входит Джамалутдин. Он плотно закрывает за собой дверь. Это твой муж, говорю я себе, и поднимаю на него глаза. Я ожидаю чего угодно: злого окрика, удара, любого насилия, которое отныне может безнаказанно совершаться надо мной. Но чего я никак не ожидаю, так это того, что он станет улыбаться.

— Сними фату.

Я снимаю фату. Джамалутдин берет ее из моих безвольных рук и бросает на пол. Потом подходит почти вплотную и приподнимает пальцами мой дрожащий подбородок. Теперь, вблизи, я понимаю, что он еще выше, чем я думала, — моя голова на одном уровне с его грудью. Какое-то время он смотрит мне в глаза, пока я не выдерживаю и не отвожу взгляд. Тогда он усмехается и убирает руку.

— Боишься?

Я киваю. Конечно, мне страшно. Страшно так, что ноги подгибаются, а сердце бьется где-то в горле. Может, все-таки стоит потерять сознание, а потом прийти в себя и обнаружить, что все самое плохое уже закончилось?.. Но нет, Джамалутдин не позволит мне упасть в обморок. От него словно исходит мощный поток, который парализует мою волю и заставляет недвижно стоять перед ним, несмотря на жгучее желание убежать.

— Ты меня боишься или того, что сейчас будет?

— Вас, — я с трудом разжимаю запекшиеся губы, — и того, что будет...

Джамалутдин не пытается меня успокоить, заверить, что мои страхи напрасны. Вместо этого он говорит:

— Почему ты такая изможденная? Выглядишь совсем больной. Когда мы встретились у магазина в прошлом месяце, на тебя куда приятней было смотреть.

У магазина?! Мысли лихорадочно скачут. Разве я в том месяце ходила в магазин?.. Да, кажется, отец посылал за чем-то... Но, разумеется, я не могла видеть Джамалутдина, даже если он прошел совсем рядом. Я ведь всегда хожу по селу, низко опустив голову.

Мой муж ждет ответа. О Аллах, верни мне мозг обратно, хотя бы на минутку!..

— Я... со мной все в порядке, Джамалутдин-ата. Просто... Жубаржат, моя мачеха, она недавно родила и пока не поправилась. Она должна была прийти на свадьбу, но не смогла, вот я и помогала и по хозяйству, и с детьми. Времени, чтобы поесть, совсем не оставалось...

Слова льются из меня неудержимым потоком, вырвавшись из плена. Джамалутдин кивает, удовлетворившись ответом. Потом говорит:

— Там, за дверью, Расима-апа. Она ждет, когда мы начнем. Сказала, что не уйдет, пока не удостоверится, что все случилось, и не примет платок с доказательством твоей невинности. Я могу сказать ей, чтобы ждала в своей комнате, если хочешь.

Я потрясенно смотрю на Джамалутдина. С каких пор муж интересуется пожеланиями новоиспеченной жены? Он проверяет меня, вот что. Наверное, это часть ритуала брачной ночи. Поэтому я покорно отвечаю:

— Как вам будет угодно, Джамалутдин-ата.

Он раздраженно ходит по комнате, заложив руки за спину, потом останавливается напротив меня и чуть повышает голос.

— Я спрашиваю, чего ты хочешь, Салихат.

— Я сделаю так, как хотите вы. Я должна выполнять все, что вы мне велите.

— Хорошо. — Он усмехается. — Благодарение Аллаху, я выбрал себе послушную жену. Но сейчас не время строить из себя мученицу. Ты вот-вот в обморок грохнешься от ужаса, а в мои планы вовсе не входит возиться с бездыханным телом.

Как только Джамалутдин это говорит, я сразу вспоминаю, что он убил свою первую жену, и мне становится по-настоящему страшно. Видимо, он что-то понимает по моему лицу, потому что решительно подходит к двери, открывает ее, делает несколько сердитых распоряжений и, не слушая визгливых возражений Расимы-апа, которая все это время наверняка прижимала ухо к замочной

скважине, захлопывает дверь. Потом тянет меня за руку в сторону кровати.

— Иди сюда.

Я подчиняюсь. А что остается делать? Все, что бы ни происходило дальше, я покорно приму с именем Аллаха на устах. Если будет очень больно (хотя почему и где именно, никто не объяснил), просто крепче сожму зубы и потерплю, как терпела побои отца. Жубаржат сказала, что побои больнее, а уж она точно знает, о чем говорит. Раз у женщин потом рождаются дети, значит, все у них внутри после брачной ночи остается невредимым.

Джамалутдин садится на кровать, ставит меня перед собой и зажимает с двух сторон ногами. Ноги у него мощные, обтянутые полотняными штанами. Я чувствую тепло его тела сквозь ткань. Его руки, лежащие на моей талии, тоже теплые и совсем не злые. Он расслаблен, но я чувствую силу его мускулов, он весь как твердая скала, а еще от него исходит странный слабый запах — чего-то сладковатого и терпкого.

— Ты знаешь, что происходит в первую ночь между мужем и женой? — спокойно спрашивает Джамалутдин.

— Только то, что я должна быть покорной и терпеть.

— Терпеть? — Его брови удивленно взлетают.

— Мне будет больно. Так мачеха сказала. И я должна делать все, что вы мне велите. Тогда вы меня не побьете.

— Я не собираюсь тебя бить, Салихат. Может, когда-нибудь, если ты серьезно провинишься. Но ты не провинишься, правда?

Я мотаю головой. Кто, будучи в своем уме, посмеет послушаться человека, убившего свою жену? Уж в чем-в чем, а в этом он может не сомневаться.

— Хорошо. А насчет боли... — Джамалутдин умолкает, я напряженно жду. — В какой-то момент я причиню ее тебе. Но в твоих силах сделать так, чтобы ты этого почти не почувствовала.

Теперь я слушаю с жадным любопытством. Во мне зарождается робкая надежда: быть может, все совсем не так ужасно? Но что именно муж потребует от меня, чтобы уменьшить боль? Не слишком ли велика будет плата? Теперь уже я могу ожидать от него чего угодно. Вряд ли найдется много мужей, ведущих со своими женами такие разговоры в первую брачную ночь.

— Ты должна расслабиться и позволить мне делать то, что я сочту нужным.

Разумеется, муж волен делать со мной все, что захочет. Так же можно сказать про снег: он белый, а про траву: она зеленая. Ведь это очевидно. Должно быть, он снова меня проверяет. Я поспешно киваю и вдруг с изумлением поднимаю на него глаза. Нет, уши меня не обманывают: Джамалутдин действительно смеется.

— Похоже, ты заранее решила соглашаться со всем, что я говорю.

Меня так и подмывает спросить: «А как иначе, если я не хочу быть убитой, как Зехра?» Но я плотно смыкаю губы, а для верности прикусываю кончик языка, чтобы вопрос не вырвался наружу.

Но в следующий момент мне уже не до вопросов, потому что Джамалутдин начинает снимать с меня платье. Он уверенно расстегивает крючки и